

Customer

От автора популярного романа
«23-й ПАССАЖИР»

Order:

ПОСЫЛКА

Country Code: DE 1 of 1 1,433LB
0.650KG

Ref Number:

50618

Stock code:

30180

BESTSELLER #1

по версии

Spiegel и Bild

Size: 390 250 80

QTY 30180

СЕБАСТЬЯН ФИТЦЕК

Продано **12 000 000** экземпляров

Иностранный детектив

Себастьян Фитцек

Посылка

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)

Фитцек С.

Посылка / С. Фитцек — «Центрполиграф»,
2016 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-07745-5

После изнасилования в гостиничном номере, где останавливалась во время научной конференции, врач-психиатр Эмма Штайн больше не выходит из дома. Она единственная из нескольких жертв маньяка-психопата осталась в живых и боится, что преступник снова настигнет ее, чтобы завершить свое страшное дело. Доведенная до паранойи, в безопасности Эмма чувствует себя только в своем маленьком особняке на окраине Берлина, но лишь до тех пор, пока однажды почтальон не просит ее принять посылку для соседа. Мужчины, чье имя ей незнакомо и которого она никогда не видела, хотя уже много лет живет на этой улице...

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-227-07745-5

© Фитцек С., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Себастьян Фитцек

Посылка

Посвящается моей команде мечты: Ману, Роману, Сабрине, Кристиану, Карлу, Барбаре и Петре, непременным Каролин и Регине и, конечно, тем, по кому скучаю даже тогда, когда обнимаю их: Сандре, Шарлотте, Давиду и Феликсу

С благодарной памятью о моем отце Фраймуте Фитцеке

...Все истории, если рассказать их до конца, заканчиваются смертью. И тот не правдивый рассказчик, кто утаит это от вас.
Эрнест Хемингуэй

Невозможно наблюдать за чем-то, не влияя на предмет наблюдения.

Принцип неопределенности Гейзенберга

Пролог

Открывая дверь родительской спальни, Эмма не подозревала, что делает это в последний раз. Никогда больше, прихватив мягкую игрушку-слона, она не заберется в полпервого ночи в постель к родителям и не прижмется к маме, стараясь не разбудить отца, который во сне дергал ногами, бормотал что-то несвязное и скрипел зубами.

Сегодня он не дергал ногами, не бормотал и не скрипел зубами. Сегодня он только жалобно стонал.

– Папа?

Эмма ошупью пробралась из темного коридора в спальню. Свет полной луны, висевшей в эти весенние ночи над Берлином как полуночное солнце, просачивался сквозь задернутые гардины.

Прищурив глаза, которые каштановым занавесом прикрывала челка, Эмма различала обстановку: стеклянные ночные столики по бокам широкой кровати, плетеный сундук в изножье, шкаф с раздвижными дверями, в котором она раньше иногда пряталась.

Пока в ее жизни не появился Артур и не отбил охоту к игре в прятки.

– Папа? – прошептала Эмма и нащупала голую ногу отца, которая торчала из-под одеяла.

Сама Эмма была в одном носке, да и тот почти сполз и едва держался на пальцах. Другой носок она потеряла во сне, где-то по дороге от переливающегося замка Единорога к долине серебристого Паука, который иной раз вселял в нее ужас.

Но не такой сильный ужас, какой наводил на нее Артур.

Тот постоянно уверял ее, что он не злой. Но можно ли ему доверять?

Эмма крепче прижала к груди слона. Ее язык прилип к нёбу, как засохшая жвачка. Не расслышав собственного тонкого голоса, она повторила попытку.

– Папа, проснись. – И дернула его за палец на ноге.

Отец подтянул ногу и со стоном повернулся на бок. При этом он слегка приподнял одеяло, и Эмма почувствовала его неповторимый запах, который ни с чем не спутаешь. Даже с закрытыми глазами она смогла бы узнать отца среди десятка взрослых по одному его аромату. По этой простой и знакомой смеси запаха табака и одеколона, которую она с таким удовольствием вдыхала.

Эмма задумалась: не лучше ли попытаться разбудить маму? Она всегда готова помочь. А папа часто ругается. В большинстве случаев Эмма даже не успевала понять, что натворила, как двери в очередной раз хлопали с такой силой, что вздрагивал весь дом. Мама говорила, что отец и сам точно не знает. Просто он «хорлирик» или как-то вроде того и после очень сожалеет. Иногда, правда очень редко, он даже сам ей это говорил. Приходил к ней в комнату, касался ее мокрой от слез щеки, гладил по голове и объяснял, что быть взрослым не так просто из-за ответственности, проблем и всего прочего. Для Эммы эти редкие минуты были самыми счастливыми на земле, и именно о таком моменте она сейчас мечтала.

Как раз сегодня ей это было важно.

«Когда мне так ужасно страшно».

– Папа, пожалуйста, я...

Она хотела подойти к изголовью, чтобы дотронуться до папиного лба, и споткнулась о стеклянную бутылку.

«О нет...»

От волнения Эмма совсем забыла, что мама и папа всегда ставят рядом с кроватью бутылку воды на случай, если кто-то из них ночью захочет пить. Когда бутылка упала и покатилась по паркету, Эмме показалось, что через спальню с грохотом пронесся товарный поезд. От шума закладывало уши, словно темнота усиливала все звуки.

Зажегся свет.

С маминой стороны.

От неожиданности у Эммы вырвался пронзительный крик.

– Зайка? – услышала она голос матери, которая в свете лампы для чтения напоминала святую. Святую с растрепанными волосами и отпечатком от подушки на лице.

Отец Эммы тоже открыл глаза.

– Какого черта... – громко произнес он, обводя комнату невидящим взглядом и пытаясь сфокусироваться. Очевидно, что он очнулся от ночного кошмара и, возможно, еще не до конца сознавал происходящее. Он сел в постели.

– Что случилось, милая? – поинтересовалась ее мать.

Не успела Эмма ответить, как отец громко возмутился:

– Проклятое дерьмо!

– Томас! – одернула его мать.

Отец закричал еще громче, размахивая руками в сторону Эммы:

– Проклятье, сколько раз я тебе говорил...

– Томас!

– ...чтобы ты не беспокоила нас по ночам!

– Но мой... мой... мой шкаф... – Эмма стала запинаться, и ее глаза наполнились слезами.

– Только не это, – продолжал ругаться ее отец. От попыток жены успокоить его он распалялся еще больше.

– Артур, – объяснила Эмма, несмотря ни на что. – Призрак. Он снова там. В шкафу. Вы должны пойти со мной. Пожалуйста. Иначе он может меня обидеть.

Отец тяжело вздохнул, взгляд его потемнел, губы задрожали, и на мгновение он показался ей таким, каким она представляла себе Артура: маленьким потеющим чертиком с большим животом и лысой головой.

– Ничего мы не должны. Эмма, немедленно убирайся, или тебе точно не поздоровится.

– Томас! – Она снова услышала возглас матери и отшатнулась.

Слова причинили Эмме боль. Сильнее, чем ракетка для настольного тенниса, которой ее случайно ударили по лицу на уроке физкультуры в прошлом месяце. Из глаз хлынули слезы. Словно отец залепил ей пощечину. Щека горела, хотя он даже руки не поднял.

– Ты не можешь так говорить со своей дочерью, – произнесла мать Эммы. Испуганным тихим голосом. Почти умоляюще.

– Я говорю с ней, как считаю нужным. Она должна наконец научиться не вваливаться к нам каждую ночь...

– Она шестилетний ребенок.

– А я сорокачетырехлетний мужчина, но с моими потребностями в этом доме, видимо, не считаются.

Эмма выронила слона и даже не заметила этого. Она повернулась к двери и вышла из комнаты, словно марионетка, управляемая невидимыми нитями.

– Томас...

– Что – Томас? – передразнил жену отец. – Я лег спать всего полчаса назад. Если завтра утром в суде я буду не в форме, если проиграю этот процесс, то с конторой все кончено. Тогда можешь забыть обо всем: о доме, о своей машине, о ребенке.

– Я знаю.

– Ничего ты не знаешь. Эмма и так вынимает из нас душу, но тебе непременно хочется вторую писклю, которая мне вообще спать не даст. Дерьмо. Я единственный зарабатываю деньги, как ты наверняка заметила. И МНЕ НУЖНО СПАТЬ!

Эмма прошла уже полкоридора, но голос отца не становился тише. Ее мать пыталась его успокоить:

- Тсс, Томас, дорогой. Расслабься.
- КАК Я ДОЛЖЕН РАССЛАБИТЬСЯ?
- Позволь мне. Пожалуйста. Я займусь сейчас тобой, хорошо?
- ЗАЙМЕШЬСЯ? С тех пор как ты снова беременна, ты только собой...
- Знаю, знаю. Это моя ошибка. Ну же, давай я...

Эмма закрыла дверь своей комнаты, и голоса родителей смолкли.

По крайней мере, они не долетали из спальни. Но по-прежнему звучали в ее голове.

«Немедленно убирайся! Или...»

Она вытерла слезы и ждала, когда в ушах перестанет шуметь, но шум не исчезал. Как не отступал и лунный свет, который в ее комнате казался ярче, чем в родительской спальне. Римские шторы на окнах были из тонкого холста, к тому же на потолке над кроватью светились наклеенные звезды.

«Моя кровать».

Эмма хотела забраться туда и поплакать под одеялом, но могла это сделать, только будучи уверенной, что призрак больше не прячется в своем укрытии. Что не напрыгнет на нее во сне и уже исчез, как происходило всегда, когда мама приходила с ней проверить.

Старый деревенский шкаф – чудовище с грубой резьбой на дубовых дверцах, которые, когда их открываешь, издавали скрипучий смех старой ведьмы.

Как сейчас.

«Хоть бы он уже исчез».

– Эй! – крикнула Эмма в черную дыру перед собой. Шкаф был такой большой, что ее вещи помещались в одной левой части. Другую половину занимали полотенца и скатерти мамы.

И еще в шкафу прятался Артур.

– Эй, – ответил призрак. Как всегда, его низкий голос звучал так, словно он прикрывал рот рукой. Или платком.

Эмма вскрикнула. Станным образом она уже не испытывала того глубокого, всепоглощающего ужаса, как в первый раз, когда в шкафу раздался глухой звук, и она пошла посмотреть, что там такое.

«Может, страх – это как пачка жевательного мармелада, – подумала она. – Я израсходовала его весь в спальне родителей».

– Ты еще здесь?

– Конечно. Думаешь, я оставлю тебя одну?

«Как бы я этого хотела».

– А что, если бы мой папа пришел проверить?

Артур тихо рассмеялся:

– Я знал, что он не придет.

– Почему?

– Он когда-нибудь о тебе заботился?

Эмма помедлила.

– Да.

«Нет. Я не знаю».

– Но мама...

– Твоя мама слабая. Поэтому я здесь.

– Ты? – Эмма шмыгнула носом.

– Скажи-ка... – Артур сделал короткую паузу и еще больше понизил голос. – Ты плакала?

Эмма кивнула. Она не знала, видит ли ее призрак, но, похоже, его глаза не нуждались в свете. Возможно, у него и вовсе не было глаз, Эмма точно не знала. Она еще никогда не видела Артура.

– Что случилось? – хотел знать он.

– Папа ругался.

– Что же он сказал?

– Он сказал...

Эмма сглотнула. Одно дело – слышать слова в голове, и совсем другое – произнести их вслух. Это больно. Но Артур настаивал, и она боялась, что он рассердится так же, как папа, поэтому повторила:

– Немедленно убирайся, или тебе не поздоровится.

– Он так сказал?

Эмма снова кивнула. И Артур действительно мог видеть ее в темноте, потому что отреагировал на кивок. Он осуждающе вздохнул, а потом произошло нечто абсолютно удивительное. Артур покинул свое убежище. Впервые.

Призрак, который оказался намного больше, чем она себе представляла, отодвинул в сторону несколько вешалок и, выбравшись наружу, погладил Эмму по волосам рукой в перчатке.

– Ложись в кровать, Эмма.

Она подняла на него глаза и замерла. Вместо лица увидела собственное искаженное изображение. Как будто смотрела в зеркало, висящее на высокой черной колонне в комнате ужасов.

Лишь спустя несколько мгновений она догадалась, что на Артуре надет мотоциклетный шлем, в опущенном щитке которого отражается ее собственное искаженное лицо.

– Я сейчас вернусь, – пообещал он и повернулся к двери.

Было что-то знакомое в походке Артура, но Эмму отвлек острый предмет в его правой руке.

Прошло много лет, прежде чем она поняла, что это был шприц.

С длинной иглой, которая поблескивала в свете луны.

Глава 1

28 лет спустя

Однажды солгал – навек лгуном стал.
Пословица

– Не делайте этого. Я солгала. Пожалуйста, перестаньте...

Зрители, преимущественно мужчины, старались не демонстрировать эмоций, наблюдая за тем, как мучают полураздетую темноволосую женщину.

– Ради Бога, это ошибка. Я все это выдумала. Ужасная ошибка... Помогите!

Ее крики разносились в белом стерильном помещении, слова звучали отчетливо. После никто не сможет сказать, что это какое-то недоразумение.

Женщина этого не хотела.

И все равно полноватый бородатый мужчина с кривыми зубами вколол инъекционную иглу в изгиб ее зафиксированной руки.

И все равно с нее не сняли ни электроды, прикрепленные ко лбу и вискам, ни охватывающую голову манжету, в которой она напоминала жалкую, измученную обезьяну из лаборатории по проведению опытов над животными, которым вскрывают череп и вставляют зонды в мозг.

А то, что с ней должны были делать, по сути, не сильно от этого отличалось.

Когда наркотик и миорелаксант действовали, запустили вентиляцию легких. Затем мужчины включили ток. 475 вольт, 17 раз подряд, пока не начался припадок эпилепсии.

Камера видеонаблюдения располагалась под таким углом, что было непонятно, сопротивляется ли темноволосая женщина или ее руки и ноги спазматически дергаются. Спины фигур в медицинских халатах и масках закрывали зрителям обзор. Но крики прекратились. Наконец съемка тоже остановилась, и в зале стало светлее.

– Вы только что стали свидетелями шокирующего случая... – начала выступление доктор Эмма Штайн, потом на секунду прервалась и пододвинула микрофон ближе, чтобы приглашенные участники конгресса лучше ее слышали. Она уже сердилась, что отказалась от подножки, которую ей предлагал техник во время проверки звука. Обычно она сама ее просила, но парень в рабочем комбинезоне так надменно ухмылялся, что Эмма отвергла идею рационального возвышения, потому-то сейчас и стояла за кафедрой на цыпочках. – Шокирующего случая давно похороненной принудительной психиатрии.

Как и Эмма, большинство присутствующих были психиатрами. Поэтому ей не пришлось объяснять коллегам, что ее критика относится не к методу электросудорожной терапии. Насколько бы средневековыми ни выглядели попытки пропускать ток через мозг, их результаты в борьбе с психозами и депрессиями были многообещающими. Проводимая под полным наркозом, процедура не имела почти никаких побочных действий.

– Эти записи с камеры видеонаблюдения в операционной нам удалось достать в гамбургской клинике Орфелио. Пациентку, которую вы только что могли наблюдать на экране, направили туда третьего мая прошлого года. Диагноз при госпитализации звучал «шизоидный психоз» и основывался исключительно на заявлениях, которые тридцатичетырехлетняя женщина сама сделала при поступлении в больницу. При этом она была абсолютно здорова. Мнимая пациентка просто симулировала симптомы.

– Зачем? – раздался голос кого-то безликого из центра зала. Мужчине пришлось практически кричать, чтобы его услышали в этом помещении, похожем на театр. Для своего ежегодного научного конгресса Немецкое общество психиатрии, психотерапии и невропатологии арендовало главный зал Берлинского международного конгресс-центра. Снаружи центр напо-

минал серебряную космическую станцию, которую забросило сюда, прямо под радио вышку, откуда-то с бескрайних просторов Вселенной. Но, при входе в здание постройки семидесятых годов, в строительстве которого, возможно, использовали асбест (эксперты еще спорят на этот счет), на ум приходил скорее какой-нибудь ретрофильм, а не научная фантастика. Во внутренней отделке преобладали хром, стекло и черная кожа.

Эмма обвела взглядом заполненные слушателями ряды, но определить вопрошающего не смогла, поэтому ответила в том направлении, где, по ее предположению, он находился.

– Встречный вопрос: вам о чем-нибудь говорят эксперименты Розенхана?

Коллега постарше, сидящий в инвалидном кресле с краю в первом ряду, кивнул с понимающим видом.

– Впервые их провели в конце шестидесятых – начале семидесятых годов с целью протестировать надежность психиатрических прогнозов. – Эмма принялась наматывать прядь своих густых золотисто-коричневых волос на указательный палец левой руки.

Она всегда так делала, когда нервничала. Перед докладом она ничего не ела, сейчас в желудке у нее громко урчало, и она боялась, что микрофон передаст эти звуки и подстегнет новые шутки о ее толстом заде, которые наверняка и так уже курсировали. То, что в остальном она была стройной, еще больше усиливало в ее глазах этот недостаток фигуры.

«Сверху палка, снизу шар», – подумала она сегодня утром, стоя перед зеркалом в ванной комнате.

В следующий момент Филипп обнял ее сзади и заявил, что красивее тела, чем у нее, он еще не видел. А целуя на прощание у двери, притянул к себе и прошептал в ухо, что ему срочно необходима супружеская терапия с самым сексуальным психиатром Шарлоттенбурга, как только она вернется. Эмма чувствовала, что он говорит серьезно, но также знала, что ее муж просто мастер отпускать комплименты. Флирт – к этому Эмме пришлось привыкнуть – был в крови у Филиппа, и он редко упускал возможность поупражняться в этом.

– Для экспериментов Розенхана, названных так по имени американского психолога Дэвида Розенхана, восемь «псевдопациентов» согласились на госпитализацию в психиатрические клиники. Студенты, домохозяйки, художники, психологи и врачи. Все они утверждали одно и то же: будто слышали голоса. Станные, жуткие голоса, которые произносили такие слова, как «полый», «глухой» или «пустой».

Вас, думаю, не удивит, что все псевдопациенты были госпитализированы, и у большинства диагностировали шизофрению или маниакально-депрессивный психоз.

Несмотря на то что пациенты были объективно здоровы и после госпитализации вели себя абсолютно нормально, им пришлось провести в клиниках по несколько недель и принять в общей сложности две тысячи таблеток.

Эмма отпила воды из стоящего наготове стакана. Сегодня она накрасила губы, хотя Филиппу больше нравился «естественный» макияж. У Эммы действительно была необычно гладкая кожа, хотя, на ее взгляд, слишком бледная, особенно на фоне ярких волос. Филипп называл это «очаровательным контрастом», но она не понимала, что в этом хорошего.

– Если вы думаете, что семидесятые давно в прошлом, что все это случилось в другом столетии, то есть в средневековье психиатрических наук, то по поводу этого видео вы ошибаетесь: его сняли в прошлом году. И эта молодая женщина тоже была испытуемой. Мы повторили эксперимент Розенхана.

По залу прокатился гул. Не столько из страха присутствующих перед скандальными результатами, сколько из боязни самим быть подвергнутым подобным тестам.

– Мы снова поместили псевдопациентов в психиатрическую клинику, снова протестировали, что случится, если абсолютно здоровые люди попадают в закрытое учреждение. И получили ужасающие результаты.

Эмма сделала еще один глоток воды, потом продолжила:

– Лишь из-за одного-единственного предложения, сказанного ею при госпитализации, женщине на видео поставили диагноз «шизоидная паранойя». И больше месяца лечили от этого заболевания. Не только медикаментами и вербальной терапией, но и с применением непосредственного насилия. Как вы сами могли видеть и слышать, она ясно дала понять, что не хочет электросудорожной терапии. Неудивительно, ведь она абсолютно здорова. Тем не менее ее насильно подвергли этому лечению.

Несмотря на то, что она однозначно отказалась от такого метода. Несмотря на то, что после госпитализации много раз заявляла лечащим врачам, что ее состояние нормализовалось. Но те не слушали ни ее, ни санитаров или других пациентов. А ведь в отличие от изредка заглядывающих к ней врачей люди, с которыми она находилась вместе продолжительное время, были уверены, что этой женщине не место в закрытом психиатрическом заведении.

Эмма увидела, как кто-то поднялся в первых рядах. Она подала технику условный знак, чтобы тот сделал чуть ярче свет. Отыскав глазами долговязого, неуклюжего мужчину с редкими волосами, она подождала, пока длинноногая ассистентка проберется к нему через ряды и подаст беспроводной микрофон.

Мужчина дунул в микрофон, потом представился:

– Штаудер-Мертенс, клиника Кёльнского университета. Позвольте заметить, коллега, что вы тут показываете нам размытые видео с ужасами, о происхождении и источнике получения которых нам лучше ничего не знать, и делаете заявления, которые, дойди они до общественности, могут нанести нашей профессии огромный репутационный ущерб.

– Вы хотели задать какой-то вопрос? – поинтересовалась Эмма.

Врач с двойной фамилией кивнул:

– Есть ли у вас что-то, кроме показаний этой псевдопациентки?

– Я лично выбрала ее для этого эксперимента.

– Хорошо, но можете ли вы дать руку на отсечение, что эта женщина действительно здорова?

Даже на расстоянии Эмма разглядела ту же самоуверенную улыбку, которая раздражала ее в технике.

– Что вы имеете в виду, господин Штаудер-Мертенс?

– Да то, что человек, который добровольно соглашается провести несколько недель в закрытом психиатрическом учреждении, симулируя ложные симптомы, должен обладать... как бы это поаккуратнее сформулировать... необычной психикой. Кто сказал вам, что эта достойная внимания женщина действительно не страдает от болезни, от которой ее в итоге и лечили и которая проявилась лишь во время ее пребывания в клинике?

– Я, – ответила Эмма.

– А вы все время находились рядом с ней? – немного снисходительно спросил мужчина.

– Да.

Его самодовольная ухмылка исчезла.

– Вы?

Эмма кивнула, и присутствующие в зале заметно занервничали.

– Именно так, – подтвердила Эмма. Ее голос дрожал от волнения и ярости из-за чудовищности собственных откровений. – Дорогие коллеги, вы видели испытуемую на видео только со спины и с крашеными волосами, но женщина, которую вопреки ее воли сначала усыпили, а потом насильно подвергли электрошоковой терапии, – это я.

Глава 2

Два часа спустя

Эмма взялась за ручку чемодана на колесиках и помедлила, прежде чем войти в номер 1904, по одной простой причине: она почти ничего не видела. Тусклый свет, слегка рассеивающий темноту, шел от бесчисленных огней большого города, простирающегося под ней девятнадцатью этажами ниже. Отель Le Zen на улице Тауэнциен в Берлине был недавно выстроенным пятизвездочным дворцом из хрома и стекла. Выше и роскошнее любого другого отеля в столице. И с относительно безвкусными номерами – по крайней мере, на взгляд Эммы.

Во всяком случае, таково было ее первое впечатление, когда она нашла выключатель рядом с дверью и зажгла верхний свет.

Обстановка выглядела так, словно какому-то практиканту дизайнерского бюро дали задание при выборе мебели соблюсти все возможные клише, существующие относительно дальневосточного образа жизни.

В прихожей, отделенной от прилегающей к ней спальни одной лишь тонкой, оклеенной шелковой бумагой раздвижной дверью, стоял китайский свадебный шкаф. От двери к низкой кровати тянулась бамбуковая циновка. Лампы рядом с диванчиками походили на разноцветные лампы во время шествия с фонариками, которое детский сад поселка Хеерштрассе ежегодно устраивал для своих карапузов в День святого Мартина. Однако на удивление стильной оказалась огромная черно-белая фотография между диваном и встроенным шкафом – портрет Ая Вэйвэя, размером больше человеческого роста, доходивший от пола до самого потолка. Эмма недавно посещала выставку этого выдающегося китайского художника.

Она отвела взгляд от мужчины с растрепанной бородкой, повесила пальто в шкаф и вытащила из сумочки мобильный телефон.

Голосовая почта.

Она уже пыталась дозвониться до Филиппа, но тот не ответил. Как всегда, когда был на задании.

Вздохнув, она подошла к огромному, до пола, окну, сбросила туфли на каблуках, без которых становилась не выше среднестатистической четырнадцатилетней девчонки, и посмотрела вниз, на Курфюрстендамм. Погладила себя по животу, который пока нисколько не выделялся: для этого еще слишком рано. Мысль о том, что в ней растет ребенок, и это намного важнее любого семинара и любого профессионального признания, успокоила ее.

Потребовалось время, прежде чем пять недель назад на тесте на беременность наконец-то появилась вторая полоска. По этой же причине Эмма спала сегодня не дома, а впервые ночевала в отеле в собственном городе. Их маленький домик на Тойфельзе-аллее походил в настоящий момент на стройку, потому что они начали расширять и перестраивать мансарду для детской. Хотя Филипп и считал, что вить гнездо до конца первого триместра беременности несколько преждевременно.

Так как он снова находился по работе в другом городе, Эмма согласилась на отель, который Немецкое общество психиатрии бесплатно предлагало всем выступающим на двухдневном конгрессе, даже тем, кто жил в Берлине, чтобы они могли расслабиться и выпить на общем вечернем мероприятии (которое Эмма как раз прогуливала) в банкетном зале отеля.

– Доклад закончился так, как ты и предсказывал, – оставила она сообщение Филиппу. – Правда, они не закидали меня камнями, но лишь потому, что у них не было с собой камней.

Эмма улыбнулась.

– Хорошо хоть, не отобрали гостиничный номер. Карточка-ключ, которую я получила вместе со всеми материалами для конгресса, подошла.

Потом Эмма послала Филиппу поцелуй, повесила трубку и поняла, что ужасно по нему скучает.

Лучше здесь, в отеле, чем одной дома среди ведер с краской и развороченных стен, попыталась она убедить себя.

Эмма пошла в ванную, где сняла костюм, одновременно пытаясь найти регулятор громкости динамиков, встроенных в запотолочное пространство, чтобы уменьшить громкость телевизора.

Безуспешно.

Ей пришлось вернуться в гостиную и выключить телевизор. Она не сразу отыскала пульт управления, который лежал в ящике одной из ночных тумбочек, поэтому была сейчас подробно проинформирована о крушении самолета в Гане и извержении вулкана в Чили.

Эмма услышала, как гнусавый телеведущий перешел к новой теме: «...*полиция предупреждает о серийном убийце, женицины...*» – и отключила звук одним нажатием кнопки.

В ванной ей потребовалось еще немного времени, чтобы найти регулятор температуры воды.

Будучи мерзлячкой, она обожала горячий душ, даже сейчас, в самый разгар лета, хотя сегодня был довольно свежий – меньше двадцати градусов по Цельсию – и ветреный июньский день.

Эмма установила термостат душа на сорок градусов, ее болевой порог, и приготовилась к покалыванию, которое всегда появлялось, как только горячая струя касалась ее кожи.

Обычно она автоматически испытывала приток энергии, как только, окутанная водяным паром, чувствовала горячую воду на своем теле. Но сегодня эффект оказался слабее, потому что грязь, которую вылили на нее после доклада, не смыть водой и гостиничным мылом.

Реакция на ее разоблачения относительно того, что и в двадцать первом веке в результате ошибочных диагнозов, поставленных по небрежности, людям грозит опасность стать игрушкой в руках злоупотребляющих властью полубогов в белых одеждах, была бурной. Не один раз была поставлена под сомнение валидность результатов ее исследования. Издатель авторитетной специализированной газеты даже заявил о необходимости провести скрупулезную проверку, прежде чем «поднимать вопрос» о публикации статьи о ее работе.

Конечно, после мероприятия некоторые коллеги заверили ее в поддержке, но даже у тех немногих, кто хлопали ее по плечу, в глазах читался невысказанный упрек: «Почему ты пошла на этот глупый эксперимент и подвергала себя опасности? И вообще: зачем ты вредишь своей карьере и связываешься со всемогущими из сферы клинической психологии?»

То, о чем Филипп никогда бы ее не спросил. Он понимал, почему Эмма уже много лет выступает за улучшение правового положения пациентов в психиатрии, к которым из-за их психического заболевания, как правило, относятся с большим недоверием, чем к пациентам, которые, например, жалуются на неправильное лечение зуба.

И Филипп понимал, по какой причине для достижения своей цели она выбирала необычные, иногда даже опасные пути. Без сомнения, в этом они были очень похожи.

На работе Филипп тоже переступал границы, добровольно переходить которые не стал бы ни один здравомыслящий человек. Просто потому, что психопаты и серийные убийцы, за которыми он охотился как главный следователь отдела оперативного анализа, часто не оставляли ему другого выбора.

Некоторые пары роднит чувство юмора, других хобби или схожие политические взгляды. Эмма и Филипп смеялись над абсолютно разными шутками, он обожал футбол, она – мюзиклы, и, пока в юности она ходила на демонстрации против ядерной энергии и меховой индустрии,

он был членом Молодежного союза Германии¹. То, что составляло фундамент их отношений, называлось эмпатией.

Интуиция и опыт позволяли им поставить себя на место другого человека, понять, что он чувствует, и раскрыть тайны его психики. Правда, Эмма делала это, чтобы помочь пациентам, приходившим к ней в частную практику на Савиньи-плац, освободить их от психических проблем, а Филипп использовал свои незаурядные способности для составления психологических профилей преступников. Сценаристы любят называть людей с такой профессией «профайлерами», в реальной же жизни они известны как психологи-криминалисты. Благодаря аналитической работе Филиппа были схвачены уже несколько опаснейших за всю историю ФРГ преступников.

Но в последнее время Эмме хотелось, чтобы они оба немного сбавили обороты. Она не могла избавиться от ощущения, что Филиппу все хуже удастся абстрагироваться от работы в свободное время, которого у них оставалось совсем немного. И опасалась, что скоро они собственным примером подтвердят слова Ницше о бездне, которая, если долго в нее всматриваться, сама начинает всматриваться в человека.

Перерыв или по крайней мере отпуск. Вот что им нужно.

После последней совместной поездки прошло много времени, и воспоминания о ней почти стерлись из памяти.

Эмма намылилась гостиничным шампунем, надеясь, что наутро не будет похожа на пуделя. Какими бы густыми и сильными ни были ее каштановые волосы, они чувствительно реагировали на любое неподходящее средство. Предприняв бесчисленное количество попыток и пролив море слез, она выяснила, от чего ее шевелюра блестит, а что заставляет голову выглядеть, как рваная диванная подушка.

Эмма прополоскала волосы, отдернула душевую занавеску и еще удивилась, почему такой дорогой отель не установил в душе раздвижные стеклянные двери, как в следующую секунду потеряла способность ясно мыслить.

Страх – вот то чувство, которое она испытывала.

«Бежать», – мелькнуло у нее в голове, когда она увидела буквы.

На зеркале в ванной комнате.

Аккуратным почерком на запотевшем от пара стекле было написано:

УБИРАЙСЯ.

ПОКА НЕ ПОЗДНО!

¹ Молодежная организация при блоке ХДС/ХСС, самая крупная молодежная политическая организация при партии в Федеративной Республике Германия и Европе.

Глава 3

– Да?

– Простите беспокойство. Все порядок?

Высокая, стройная русская в дверях выглядела по-настоящему обеспокоенной. При этом женщина, говорящая на ломаном немецком, не производила на Эмму впечатления человека, который без повода станет волноваться об окружающих. Она скорее походила на модель, осознающую свою красоту и считающую себя центром вселенной. Одета в облегающий дизайнерский костюм, щедро политая духами «Шанель», в преступно дорогих туфлях на высоченных каблуках, на которых даже Эмме пришлось бы смотреть на собеседника сверху вниз.

– Кто вы? – спросила Эмма, сердясь на себя за то, что открыла дверь. Теперь она стояла перед славянской красавицей, босая, с мокрыми волосами, в наскоро наброшенном гостиничном халате-кимоно. Из такой тонкой ткани, что сквозь него наверняка проступали все выпуклости и округлости ее обнаженного тела, которое было намного несовершеннее, чем у русской.

– Простите. Стены очень тонкий.

Женщина убрала со лба прядь светлых нарощенных волос.

– Прошла мимо. Слышала крик.

– Вы слышали крик? – почти беззвучно спросила Эмма.

Она лишь помнила, как у нее закружилась голова, что было связано не только с жутким сообщением на зеркале, но и наверняка со слишком горячим душем.

Оба обстоятельства выбили почву у нее из-под ног.

В первый момент Эмме еще удалось опереться на умывальник, но затем она сползла на кафельный пол и уже снизу уставилась на буквы:

УБИРАЙСЯ.

ПОКА НЕ ПОЗДНО!

– Слышала еще плач, – сказала русская.

– Это какое-то недоразумение, – ответила Эмма, хотя вполне возможно, что ее нервный срыв сопровождался слезами. По крайней мере, глаза еще щипало. Сообщение на зеркале пробудило самые темные воспоминания из ее детства.

Шкаф.

Скрипучие дверцы, за которыми сидел мужчина в мотоциклетном шлеме.

Артур.

Призрак, который сопровождал ее на протяжении бесчисленных ночей. Снова и снова. Сначала как монстр, затем в качестве друга. До тех пор, пока ее, десятилетнюю, наконец-то не «вылечили», хотя в психотерапии такого понятия вообще-то не существует. Детскому психиатру, которого Эмма должна была посещать, после многочисленных сеансов удалось прогнать демона. Из ее шкафа и из ее головы. При этом он помог ей осознать, кто в действительности стоял за этим фантомом.

Папа!

С тех самых сеансов психотерапии, которые и пробудили в ней интерес к ее сегодняшней профессии, Эмма знала, что никакого призрака никогда не существовало. И Артура тоже. Это был отец, который всю жизнь одергивал и пугал ее и которого ей так хотелось заполучить себе в союзники. Чтобы он всегда был с ней. Всегда рядом. Доступный в любое время, даже по ночам в шкафу.

Но другом Эммы отец никогда не был. Ни в ее детстве, ни во время учебы, ни тем более сейчас, когда у нее появился муж и собственная психотерапевтическая практика. Работа всегда

была для него важнее. Его дела, свидетели, процессы. По утрам он рано уходил из дому, по вечерам опаздывал на семейные праздники. Или вообще не приходил.

Хотя он давно уже не работал, его едва хватало на то, чтобы отправить Эмме открытку на день рождения. Да и ту ему наверняка диктовала мама, с которой он наслаждался старостью на Майорке. Такие формулировки, как «Я скучаю» или «Надеюсь, что в этом году нам удастся проводить вместе больше времени», просто не вписывались в словарь холерика. Скорее нечто вроде: «Немедленно убирайся, или тебе не поздоровится».

И вот похожая угроза оказалась на зеркале в ванной ее гостиничного номера.

Совпадение?

Конечно!

Еще до того, как в дверь постучали, Эмма нашла логическое объяснение случившемуся.

Розыгрыш!

Видимо, предыдущий жилец перед выездом написал это жирными пальцами на сухом зеркале, чтобы напугать следующего гостя. Что ему вполне удалось.

Удалось настолько, что своим криком Эмма переполюшила пол-отеля. Шутник и сам бы испугался такой сильной реакции, но он ведь не мог предположить, что эти слова на зеркале разбередят старую психологическую травму.

Но Эмму тогда смутила не угроза отца, а то, что именно в ту ночь Артур впервые выбрался из шкафа. Мотоциклетный шлем, шприц, голос... все казалось таким реальным.

И все еще было живо в ее памяти.

– Все хорошо? – спросила русская, которая по-прежнему изучала ее со странным озабоченно-нетерпеливым выражением на лице. А потом сказала нечто одновременно столь дружеское и ужасное, что Эмма не знала, смеяться ей или плакать.

– Проблемы с клиентом?

«О господи».

Конечно.

«Она проститутка!»

Поэтому такая расфуфыренная. Половина участников конгресса разместились в Le Zen. В отеле было полно мужчин, ночующих в одноместных номерах. Сколько из них заказали на сегодняшний вечер девушку из эскорта? Говнюки типа Штаудер-Мертенса, без всякого сомнения, наверняка используют любую возможность, как только оказываются где-то без жены и семьи.

– Если нужно помощь, то...

– Нет, нет. Очень любезно с вашей стороны, спасибо, но...

Эмма помотала головой.

«...но я не проститутка. Просто очень пугливый психиатр».

Как мило, что женщина хотела ей помочь. Как ужасно, что распускающие руки клиенты ей, похоже, не в новинку. И избитые проститутки, скорчившиеся в слезах на кафельном полу в гостиничном номере.

Эмма улыбнулась, но, видимо, улыбка получилась неискренняя. В темных глазах русской по-прежнему читалось сомнение, поэтому Эмма решила сказать ей правду.

– Не волнуйтесь. Я одна в номере. Но я решила, что кто-то прокрался внутрь и подглядывал за мной в душе.

– Извращенец?

– Да. Но это была всего лишь глупая шутка предыдущего гостя.

– Ну тогда ладно.

Девушка из эскорта все еще сомневалась, но пожала плечами и взглянула на «ролекс» на запястье. Потом попрощалась, произнесла первое предложение без единой ошибки:

– Будь осторожна, смотри, чтобы с тобой ничего не случилось.

Вероятно, она уже часто слышала это от своих коллег.

Эмма поблагодарила и закрыла дверь. В глазок она проследила, как русская пошла направо по коридору.

Лифты находились в другой стороне. Значит, «встреча» еще только предстоит.

С колотящимся сердцем Эмма заперла дверь на все имеющиеся и предусмотренные конструкцией замки и задвижки и лишь после этого заметила, насколько выбилась из сил. Сначала доклад, потом зеркало, сейчас разговор с русской. Она мечтала отдохнуть, успокоиться. Заснуть.

Лучше всего в объятиях Филиппа.

Ну почему его сейчас нет рядом, чтобы вместе посмеяться над этой глупой ситуацией?

Эмма подумала, не позвонить ли своим лучшим друзьям, Сильвии или Конраду, чтобы отвлечься.

Но она знала, что у обоих свидание. Конечно, не друг с другом, потому что Конрад голубой.

Но даже если кто-то из них ответит, что она должна сказать? «Извини, я нервничаю из-за запотевшего зеркала»?

Которое было запотевшим – констатировала она, вернувшись в ванную, чтобы почистить зубы.

Пар исчез. Вместе с глупой надписью.

Словно ее никогда и не было.

Глава 4

Эмму бил озноб.

Лишь влажные полосы напоминали о конденсате, который испарился, оставив некрасивые следы на серебряном зеркале. Не задумываясь, она вытерла полотенцем пятна и в следующий момент спохватилась, что не подышала на стекло, чтобы прочитать послание еще раз.

Потом она рассердилась на себя за свою неуверенность.

– Да что с тобой, Эмма? – прошептала она, обматывая голову полотенцем.

Это послание не выдумка. Просто глупая шутка. Для волнения нет причин.

Она погасила свет в ванной, больше ни разу не взглянув на зеркало. Кимоно Эмма повесила обратно в шкаф и натянула пижаму. При этом не смогла противостоять параноидальному импульсу и обыскала шкаф на предмет потайных мест, где можно было бы спрятаться (к слову, таких не оказалось). Раз уж начала, можно сразу и под кроватью проверить, и за шторами посмотреть, и еще раз убедиться в том, что дверные замки заперты. И все это под пристальным взглядом Ая Вэйвэя, чьи глаза были сфотографированы так, что постоянно смотрели на Эмму, где бы она ни находилась.

Эмма знала, что это избыточные действия, но все равно чувствовала себя лучше, подавшись своим иррациональным порывам.

Закончив «контрольный обход» и забравшись под свеженакрахмаленные простыни, она почувствовала внезапную усталость. В последний раз попыталась дозвониться до Филиппа. Потом оставила ему сообщение на голосовой почте: «Надеюсь, я приснюсь тебе, когда ты прослушаешь это», завела будильник и закрыла глаза.

Как у нее часто бывало в состоянии переутомления и одновременно перевозбуждения, темнота, в которую Эмма хотела провалиться, наполнилась мерцающими огнями и тенями.

«Зачем ты только это сказала? – спрашивала себя Эмма, погружаясь в дрему и смутно припоминая свой доклад. – Зачем ты сказала, что подвергаемая пыткам пациентка на видео – ты?» Это не было запланировано. Эмма поддалась порыву, потому что Штаудер-Мертенс, этот самовлюбленный козел из Кельна, дразнил ее.

«Есть ли у вас что-то кроме показаний этой псевдопациентки?»

Да, есть. Теперь это известно всем. Ненужная сенсация.

Эмма повернулась на бок и попыталась избавиться от воспоминаний о своре мужчин, слушающих ее в конгресс-зале. Тут в ухе у нее кольнуло, потому что она забыла снять сережки с жемчугом.

«Зачем ты всегда так делаешь?» – спросила она себя и, как часто бывает в переходной фазе от бодрствования ко сну, удивилась, почему задает себе этот вопрос и что вообще означает «всегда», но не успела додумать мысль до конца, как это произошло.

Она заснула.

Ненадолго.

Минуты на две.

Пока ее не разбудил шум.

Жужжание.

В темноте.

Где-то поблизости, прямо рядом с ее кроватью.

Эмма открыла глаза и увидела, что ее сотовый телефон светится. Она положила его заряжаться на пол, потому что кабель не дотягивался от розетки до ночного столика. И сейчас она не без труда подняла его с ковра.

Неизвестный номер.

– Милый? – спросила она в надежде, что это Филипп звонит с какого-нибудь стационарного телефона.

– Фрау доктор Штайн?

Незнакомый мужской голос. К разочарованию, что это не Филипп, добавилось раздражение. Черт возьми, кто это еще звонит ей так поздно?

– Надеюсь, у вас что-то важное, – зевнула она.

– Простите за беспокойство. Это господин Айген хардт с ресепшн Le Zen.

«Он звонит мне на сотовый?»

– Да?

– Мы только хотели спросить, будете ли вы сегодня еще заселяться в отель.

– Извините?

Эмма пошарила рядом с кроватью в поисках ночника, но безуспешно.

– Что значит «заселяться»? Я уже сплю.

«По крайней мере, пытаюсь».

– Тогда мы можем снять бронирование?

«Он что, глухой?»

– Нет, я же сказала: я уже заселилась. Номер 1904.

– О, извините, пожалуйста, но...

Сотрудник с ресепшн был заметно растерян.

– Что «но»? – спросила Эмма.

– Но у нас нет такого номера.

Эмма села в постели и заметила мигающую лампочку детектора дыма на потолке.

– Вы шутите?

– Во всем отеле нет ни одной четверки. В Азии она считается несчастливым числом, поэтому...

Конец предложения она уже не услышала, потому что сотовый выпал у нее из ладони.

Зато она услышала то, что было совершенно невозможно. Прямо у ее уха кто-то откашлялся.

Мужчина.

От ужаса у нее перехватило дыхание, она почувствовала, как ей зажали рот.

Тряпкой.

Тут же последовал укол иглой – и в локтевой сгиб ввели какое-то холодное вещество.

Мужчина снова прочистил горло, и, когда Эмме казалось, что она вот-вот окоченеет изнутри, она ощутила присутствие лезвий.

Невидимые в темноте, они вибрировали у нее прямо перед лицом.

Зрррррррррр.

Вращающийся кухонный нож, пила или электрический штопор.

Готовый проколоть, разрезать или проткнуть.

Она услышала звук открывающейся застежки-молнии.

«Я беременна!» – хотела крикнуть Эмма, но язык и губы не слушались.

Не в силах пошевелиться, она не могла ни кричать, ни сопротивляться.

Только ждать боли.

И молиться, чтобы кошмар поскорее закончился.

Но этого не случилось.

Глава 5

Шесть месяцев спустя

Эмма открыла глаза и задалась вопросом, сколько уже времени ее визави наблюдает за ней спящей.

Профессор Конрад Луфт сидел в своем привычном кресле, сложив руки на животе. Тяжелый, меланхоличный взгляд застыл на ее лице.

– Как ты себя чувствуешь? Более или менее? – спросил он, и в первый момент Эмма не поняла, что имеет в виду ее лучший друг, но потом увидела приставной столик рядом с кроватью. На нем лежали таблетки, выданные в психиатрической клинике, в закрытое отделение которой ее направил судья.

На крайний случай.

Если у нее будут боли, когда она проснется.

Эмма потянулась под одеялом и попыталась приподняться на локтях в больничной койке. Но, слишком слабая, упала обратно на подушку и потеряла глаза.

Транспортировку сюда она проспала, что неудивительно: ее напичкали столькими таблетками. Одни лишь побочные действия свалили бы слона, а ей к тому же дали успокоительное.

Проснувшись, она не сразу поняла, где находится. Помещение, где она раньше проводила столько времени, казалось чужим, хотя и не таким чужим, как закрытое отделение, которое она не покидала последние несколько недель.

Возможно, странное чувство было связано с тем, что Конрад недавно отремонтировал свое адвокатское бюро по уголовным делам, но Эмма сомневалась в этом.

Не помещение изменилось, а она сама.

Запах краски и свеженатертого паркета из орехового дерева еще висел в воздухе, кое-какая мебель была сдвинута в сторону из-за ремонтных работ, но в целом все осталось таким же, как во время ее первого визита сюда почти десять лет назад. Тогда она сидела, развалившись на диване в кроссовках и джинсах. Сегодня лежала в ночной рубашке на больничной кровати с регулируемой высотой, почти в центре комнаты, с чуть приподнятой спинкой, лицом к письменному столу Конрада и окну.

– Полагаю, я первая клиентка, которую привезли к тебе в контору на больничной каталке, – сказала она.

Конрад мягко улыбнулся:

– У меня уже были нетранспортабельные подзащитные. Правда, я сам к ним ездил. Но в клинике ты избегаешь любого контакта, Эмма. Отказываешься даже от беседы с врачом. Поэтому я добился судебного разрешения в порядке исключения.

– Спасибо, – ответила она, хотя в ее жизни больше не осталось ничего, за что она могла бы испытывать благодарность. Даже за то, что ей позволили покинуть ее камеру.

Эмма действительно отказывалась принимать его в клинике. Ее никто не должен был видеть. Такой больной и сломанной. Запертой, как зверь в клетке. Такого унижения она бы не вынесла.

– Ты не потеряла ни капли гордости, моя дорогая Эмма. – Конрад покачал головой, но в его взгляде не было осуждения. – Ты предпочитаешь добровольно пойти в тюрьму, нежели позволить мне навестить тебя. При этом моя помощь нужна тебе сейчас, как никогда.

Эмма кивнула.

«Все зависит от того, как пройдет разговор с вашим адвокатом», – сказали они ей. Психиатры и полицейские, которые наверняка ждали в приемной, чтобы отвезти Эмму назад.

Адвокат.

Странное слово. Лишь немногие знают, что оно происходит от древнеанглийского *onweald*, то есть власть. Обладает ли Конрад властью, чтобы изменить ее судьбу? Ее старый близкий друг, хотя определение «старый» совсем не подходило спортивному, почти атлетически сложенному мужчине пятидесяти восьми лет. Эмма познакомилась с ним во время учебы на медицинском факультете, в первом семестре, и, когда Конрад представился, его имя показалось ей знакомым. Позже она вспомнила почему. Ее отец и Конрад Луфт были коллегами и совместно работали над разными делами, о которых Эмма читала в газетах.

Однако дело, которое свело их тогда, не попало в прессу.

Бывший друг Эммы, Бенедикт Таннхаус, выпил лишнего и приставал к ней в одном кафе недалеко от университета. Конрад, который регулярно там ужинал, увидел, как тип бесцеремонно лапал ее, и энергично вмешался. После он сунул Эмме свою визитку, на случай если ей понадобится юридическая помощь. И не напрасно, потому что ее бывший оказался настоящим сталкером.

Конечно, Эмма могла обратиться и к своему отцу, но в этом случае она просто поменяла бы шило на мыло. Правда, отец Эммы ни разу не поднял ни на кого руку, как Бенедикт. Но его вспыльчивость и неконтролируемые вспышки гнева со временем становились все хуже, и Эмма радовалась, что, переехав в студенческое общежитие, она избавилась от необходимости лично контактировать с ним. Непонятно, как ее мать выдерживала под одной крышей с отцом.

Во время длительного процесса, в котором Конрад добился вынесения судебного постановления против Бенедикта, они с Эммой подружились. И Эмма сначала думала, что он заинтересован в ней по другим причинам. Ее действительно привлекал его шарм, несмотря на значительную разницу в возрасте. Уже тогда Конрад прятал свой выдающийся подбородок под педантично подстриженной бородой и носил преимущественно темно-синие, сшитые на заказ двубортные пиджаки и рантовые ботинки с перфорацией. Волнистые волосы теперь были немного короче, но, как и раньше, падали ему на высокий лоб, и Эмма очень хорошо понимала, почему к адвокату так часто обращаются состоятельные женщины постарше. Они не могли знать, что хотя он и любил женщин, но в его эротических фантазиях для них не было места. Гомосексуальность Конрада была тайной, которую они хранили с Эммой с тех пор, как подружились.

Даже Филиппу она никогда не рассказывала о гомосексуальных предпочтениях Конрада, правда, из эгоистичных соображений, в чем признавалась себе в глубине души. Из-за внешности и обаяния Филиппа ему часто делали авансы, чего он уже не замечал: например, как симпатичная официантка предложила ему лучшее место в ресторане или кто-то мило улыбнулся в очереди в супермаркете.

Поэтому Эмме хотелось, чтобы ее муж тоже ревновал, когда Конрад иногда звонил ей, чтобы пригласить на обед. Пусть Филипп думает, что и у нее есть поклонники.

Конрад же оберегал тайну, чтобы не разрушить свою репутацию brutального мачо-адвоката. И регулярно появлялся на официальных мероприятиях с хорошенькими студентками, изучающими юриспруденцию. «Лучше вечный холостяк, чем педик в суде», – объяснил он Эмме свою позицию.

Поэтому жаждущие приключений вдовы со стильными прическами были разочарованы, когда Конрад объяснял им, что не берется за бракоразводные дела, а только за уголовные, да и то лишь за сенсационные, которые нередко считаются уже безнадежными.

Как в ее случае.

– Спасибо, что хочешь мне помочь, – сказала Эмма. Общие слова, но эта фраза помогла нарушить молчание.

– Снова.

После случая со сталкером Эмма во второй раз оказалась клиенткой Конрада. После той ночи в отеле, когда стала жертвой сумасшедшего. Серийного преступника, который до нее уже подкараулил трех других женщин в гостиничных номерах и электробритвой побрил их наголо.

После того как зверски их изнасиловал.

Причем часы, проведенные затем в больнице, оказались для Эммы не легче, чем само изнасилование. Она еще не совсем пришла в себя, как незнакомый человек опять производил какие-то манипуляции с ее естественными отверстиями. Она снова ощущала внутри вагины латексные пальцы и инструменты, которыми брали мазки для судмедэкспертизы. Хуже всего были вопросы, которые ей задавала седоволосая женщина-полицейский с покерным лицом:

– *Где вы подверглись изнасилованию?*

– *В отеле Le Zen. Номер 1904.*

– *Там нет такого номера, фрау Штайн.*

– *Мне тоже так сказали, но это невозможно.*

– *Кто вас зарегистрировал?*

– *Никто. Мне выдали карту-ключ вместе с прочими материалами для конгресса.*

– *Вас кто-нибудь видел в отеле? Есть какой-нибудь свидетель?*

– *Нет, то есть да. Одна русская.*

– *Вы знаете ее имя?*

– *Нет. Она...*

– *Что?*

– *Не важно. Забудьте.*

– *Хорошо. Вы можете описать преступника?*

– *Нет. Там было темно.*

– *Нам не удалось обнаружить никаких повреждений или травм, полученных при самообороне.*

– *Меня усыпили. Чем именно – вероятно, покажет анализ крови. Я почувствовала укол.*

– *Преступник сбрил вам волосы до или после пенетрации?*

– *Вы имеете в виду, до или после того, как он вставил мне во влагалище свой член?*

– *Я понимаю ваше возбуждение.*

– *Нет, не понимаете.*

– *Хорошо. К сожалению, я все равно должна задать вам подобные вопросы. Преступник использовал презерватив?*

– *Вероятно, раз вы говорите, что не нашли следов спермы.*

– *Как и никаких особенных повреждений слизистой влагалища. Вы часто меняете половых партнеров?*

– *Я беременна! Мы можем сменить тему?*

– *Хорошо. Как вы добрались до автобусной остановки?*

– *Простите?*

– *Автобусная остановка на Виттенбергплац. Где вас нашли.*

– *Понятия не имею. Видимо, в какой-то момент я потеряла сознание.*

– *Значит, вы не знаете, изнасиловали вас или нет?*

– *Этот псих сбрил мне волосы. Моя вагина горит, словно ее обработали электрошокером для скота. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО СО МНОЙ СЛУЧИЛОСЬ?*

Вопрос вопросов.

Эмма подумала о том, как Филипп привез ее на такси домой и уложил на диван.

– *Все будет хорошо, – сказал он ей.*

Она кивнула и попросила его принести тампон из шкафчика в ванной. Большой, для сильных кровотечений. Они начались в такси.

Это был первый раз, когда они плакали вместе.

И последний, когда говорили о детях.

На следующий день Эмма поставила свечку за неродившегося ребенка. Та давно уже сгорела без остатка.

Эмма кашлянула в ладонь и, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, обвела взглядом кабинет Конрада.

Книжные стеллажи до потолка – рядом с постановлениями Верховного федерального суда в кожаных переплетах на них стояли произведения Шопенгауэра, любимого автора Конрада, – показались Эмме низковатыми, возможно, из-за нового цвета стен: с ним комната выглядела меньше. Массивный письменный стол располагался на своем месте перед квадратными окнами; в солнечные дни озеро Гросер-Ванзе просматривалось отсюда до самого Шпандау. Сегодня виднелась только городская набережная, вдоль которой редкие прохожие пробирались через декабрьский снег по щиколотку.

Вдруг Эмма почувствовала, что Конрад оказался у ее кровати и мягко коснулся ее руки.

– Позволь мне устроить тебя поудобнее, – сказал он и погладил ее по лбу.

Эмма уловила пряный запах его одеколона после бритья и закрыла глаза. Одна лишь мысль о прикосновении мужчины в последние месяцы вызывала у нее отвращение. Но Конраду было позволено обхватить ее руками и перенести с больничной койки на диван у камина.

– Вот так лучше, – сказал он, опустив Эмму на мягкие подушки и бережно укрыв кремовым кашемировым пледом.

И он был прав. Так действительно лучше. Она чувствовала себя в безопасности, здесь все было знакомым, родным. Мягкая мебель с вольтеровским креслом, в которое снова сел Конрад. Стекланный журнальный столик между ними. И конечно, круглый ковер под ногами. Белый мягкий ворс, обрамленный черной полосой, напоминающей сходящий на нет мазок кистью по часовой стрелке. Поэтому сверху ковер походил на торопливо нарисованную букву «О». Раньше Эмма очень любила полежать на этом «О» и помечтать, глядя в газовый камин. И как хорошо ей было, когда при этом они вместе поедали принесенные с собой суши. Насколько уверенно и надежно она себя чувствовала, когда они делились любовными переживаниями, обсуждали неудачи и сомнения, а Конрад давал ей советы, которые Эмма всю жизнь мечтала услышать от отца. Черный ворс ковра уже немного выцвел и за годы приобрел коричневый оттенок.

«Время разрушает все», – подумала Эмма, ощутила тепло камина на лице, но приятное чувство, которое появлялось всегда, когда она навещала Конрада, так и не пришло.

Неудивительно, это ведь не визит.

Скорее, жизненная необходимость.

– Как дела у Самсона?

– Великолепно, – ответил Конрад, и Эмма ему поверила. Он всегда имел подход к животным. У Конрада ее собака в надежных руках, пока Эмма находится в закрытой клинике.

Вскоре после той ночи в отеле Филипп подарил ей хаски с большой черно-серой лохматой головой.

– Ездовая собака? – удивленно спросила его Эмма, когда Филипп в первый раз передал ей поводок.

– Он тебя оттуда вытащит, – заверил Филипп, имея в виду «жалкое состояние», в котором она пребывала.

Но он ошибся, и, судя по всему, Самсону придется еще долго обходиться без своей хозяйки.

Возможно, всегда.

– Начнем? – спросила Эмма в надежде, что Конрад воскликнет «нет», поднимется и оставит ее одну.

Само собой, он этого не сделал.

– Пожалуйста, – ответил лучший слушатель в мире, как один репортер назвал этого звездного адвоката в своей газетной статье. Возможно, это была его самая сильная сторона.

Некоторые люди умеют читать между строк. Конрад умел слушать между слов.

Это качество сделало его одним из немногих людей, которым Эмма могла открыться. Он знал ее прошлое, ее тайны, знал про ее бурную фантазию. Она рассказала ему про Артура и психотерапию, которая, как считала Эмма, помогла ей избавиться от воображаемых друзей и других видений. Сейчас она уже не была в этом уверена.

– Я не справлюсь, Конрад.

– Ты должна.

По многолетней привычке Эмма потянулась за прядью волос, чтобы намотать на палец, – но ее шевелюра была еще слишком короткой.

Прошло почти полгода, а Эмма никак не могла привыкнуть к тому, что ее когда-то роскошные длинные волосы исчезли. Правда, отросли уже на шесть сантиметров.

Конрад так настойчиво посмотрел на Эмму, что ей пришлось отвести взгляд.

– Иначе я не смогу помочь тебе, Эмма. После всего, что случилось.

«После всех этих трупов. Я знаю».

Эмма вздохнула и закрыла глаза.

– С чего мне начать?

– С самого плохого! – услышала она в ответ. – Вернись в те воспоминания, которые причиняют тебе особенную боль.

Слеза скатилась из-под век, и Эмма открыла глаза.

Уставилась в окно. Какой-то мужчина вел по берегу дога на поводке. Издали казалось, что большая собака раскрыла пасть и ловит языком снежинки, но Эмма была не уверена. Она лишь знала, что предпочла бы оказаться там, на улице, с мужчиной, догом и снегом под ногами, где наверняка не так холодно, как у нее на душе.

– Хорошо, – произнесла она, хотя в том, что последует, не было ничего хорошего. И наверное, уже никогда не будет, даже если она переживет этот день, в чем в настоящий момент сомневалась.

– Не знаю, для чего все это. Ты ведь присутствовал на допросе.

По крайней мере, на втором круге. Сначала Эмма давала показания одна, но, когда вопросы сотрудницы полиции стали все более скептическими и Эмма вдруг почувствовала себя не свидетельницей, а обвиняемой, она потребовала адвоката. В отличие от Филиппа, которому пришлось бы ехать всю ночь, чтобы добраться до нее из Баварии, где он находился в командировке, ее лучший друг уже полвторого был у нее в больнице.

– Ты же присутствовал там, когда я давала показания сотруднице полиции и подписывала протокол. Ты знаешь, что Парикмахер сделал со мной в ту ночь.

Парикмахер.

Какое безобидное прозвище дала ему пресса. Как если бы мужчину, который сдирает кожу с женщин, назвали негодяем.

Конрад помотал головой:

– Я говорю не о той ночи в отеле, Эмма.

Она нервно моргнула. Неожиданно поняла, что сейчас последует, и молилась, что ошибся.

– Ты абсолютно точно знаешь, почему находишься здесь.

– Нет, – солгала Эмма.

Конечно, он хотел поговорить о той посылке. О чем же еще?

– Нет, – повторила она, хотя уже и не столь энергично.

– Эмма, пожалуйста. Если я буду тебя защищать, ты должна рассказать мне все, что случилось в тот день три недели назад. У тебя дома. Ничего не упуская.

Эмма закрыла глаза и надеялась, что диванные подушки навсегда поглотят ее, как плотоядное растение муху, но, к сожалению, этого не произошло.

И так как выбора не было, она срывающимся голосом начала рассказывать.

О посылке.

И о том, как ужас, начавшийся в ту ночь в отеле, постучался в дверь маленького домика со штакетником в конце переулочка-тупика и поселился там.

Глава 6

Тремя неделями ранее

Сверло вращалось, врезаясь Эмме в барабанные перепонки и проникая прямо в мозг. Она не знала, кто включил эту акустическую дрель, которая пунктиром обозначала центр ее страха. Кто звонил ей в дверь в такую рань и одним лишь этим повергал ее в панику.

Эмма никогда не считала свой дом на Тойфельзе-аллее чем-то особенным, хотя это было единственное отдельно стоящее здание во всей округе.

Поселок Хеерштрассе состоял в основном из очаровательных, примыкающих друг к другу домиков, построенных в двадцатых годах, и на протяжении почти столетия, – пока Филипп за последние недели не превратил их жилище в крепость, – ее маленький особнячок выделялся исключительно тем, что вокруг него можно было обойти, не ступая на чужой земельный участок. К огромной радости соседских ребятишек, которые раньше, в теплые летние дни, любили устраивать бега через их сад: через открытую калитку, против часовой стрелки по узкой гравийной дорожке мимо грядки с овощами, потом резко налево вокруг веранды, снова налево вдоль стены под окном кабинета, а затем через слегка заросший палисадник обратно на улицу, где победитель должен был постучать по старому газовому фонарю и крикнуть: «Первый!»

Раньше.

В прежние времена.

До Парикмахера.

Сегодня деревянный штакетник заменили серо-зеленым металлическим забором, который якобы не смогут подкопать даже дикие кабаны, хотя кабанов Эмма боялась в последнюю очередь.

Ее лучшая подруга Сильвия думала, что она невообразимо боится мужчину, который в ту ночь в отеле совершил с ней ужасное, – но Сильвия ошибалась. Конечно, Эмма боялась, что психопат вернется и продолжит с того места, где остановился.

Но еще больше, чем его, она боялась саму себя.

Будучи психиатром, Эмма представляла себе симптомы сильной паранойи. Как ни странно, она получила ученую степень кандидата наук именно в этой области, помимо псевдологии, то есть патологической лживости, что было одной из ее специальностей. Она уже работала со многими пациентами, которые терялись в своих галлюцинациях. И знала, как они закончили.

Но что еще хуже: она знала, как у них все начиналось.

Как у нее.

С пронзительным, резким звоном в ушах Эмма поплелась к входной двери вместе с Самсоном, которого дверной колокольчик вырвал из полудремы. Ей казалось, что она никогда не доберется до цели.

Сердце Эммы билось так, как будто она пробежала марафон. А ноги топтались на месте.

Визит? В такое время? Именно сейчас, когда Филипп уже ушел?

Самсон тыкался ей под колени, словно пытаясь подбодрить и сказать: «Давай же, это не так сложно».

Он не рычал и не скалил зубы, что обычно делал, если за дверью стоял чужой.

Значит, опасность ей не угрожает.

Или все-таки угрожает?

Больше всего Эмме хотелось расплакаться прямо здесь, в прихожей. Плакать – ее любимое занятие в последнее время. Вот уже 158 дней 12 часов и 14 минут.

С тех пор как у нее новая стрижка.

Она ощупала голову надо лбом, где начинаются волосы. Чтобы определить, насколько они уже отросли. Сегодня она проверяла всего раз двадцать. За этот час.

Эмма подошла к тяжелой дубовой двери и отдернула занавеску на маленьком, размером с тарелку, окошке, которое было встроено в дверное полотно на уровне головы.

Согласно ведомству земельного кадастра, Тойфельзе-аллее находилась в округе Вестенд, но по сравнению с виллами, которыми славился этот элитный район, их крохотный домишко скорее напоминал собачью будку с лестницей.

Он располагался в мощеном переулке-тупике, на уровне высшей точки разворота, который с трудом давался крупным машинам и был почти невыполним для небольших грузовиков. Издали домик со своей светлой крупнофактурной побелкой, старомодными деревянными ставнями, рыжей черепичной крышей и обязательной красно-коричневой клинкерной лестницей, ведущей к двери, через которую она как раз сейчас шпионила, отлично вписывался в пейзаж.

За исключением забора, недавние изменения были не видны снаружи. Датчики взлома окон, радиоуправляемая система замков, датчики движения на потолке или тревожная кнопка для связи со спасателями, на которую Эмма как раз положила руку.

На всякий случай.

Было одиннадцать часов утра, пасмурный день – до низкого, затянутого серыми облаками неба, казалось, можно дотянуться рукой, – но не было ни дождя (для этого вида осадков, видимо, слишком холодно), ни снега, который шел почти беспрестанно в последние дни, и Эмма могла хорошо разглядеть мужчину у забора.

Издаലെка он напоминал турецкого рокера: темная кожа, гладко выбритая голова, борода в стиле рок-группы «ZZ-Тор», серебряные, с монету, металлические кольца, которые заполняли мочки ушей двадцатикилограммового великана, как литые диски автопокрышки. Мужчина был в желто-голубых перчатках, но Эмма знала, что на каждом пальце под ними какая-то татуировка.

«Это не он! Слава богу!» – с облегчением подумала она, и камень упал у нее с души. Самсону, в напряжении стоявшему рядом с наостренными ушами, она знаком велела лечь.

Эмма нажала на кнопку открытия ворот и подождала.

Втиснутый между горой Тойфельсберг² на севере, несколькими школами и стадионами на западе, бывшей гоночной автотрассой «Авус» на юге и железнодорожными путями на востоке, поселок Хеер-штрассе стал домом приблизительно для ста пятидесяти зажиточных семей. Сельская община в самом центре миллионного города, со всеми плюсами и минусами, которые несет с собой жизнь в деревне, например, то обстоятельство, что все в курсе обо всем и каждом и знают друг друга по имени.

И почтальона тоже.

² В переводе с нем. «Чертова гора». Гора находится в берлинском районе Груневальд. Она образовалась из свезенного из окрестностей Берлина битого кирпича, черепицы и прочего материала, который возник в результате бомбежек во Второй мировой войне. На горе также находится заброшенная радиолокационная станция.

Глава 7

– Доброе утро, фрау доктор.

Эмма подождала, пока посыльный поднимется по небольшой клинкерной лестнице, и только затем приоткрыла дверь – насколько позволила накинута изнутри металлическая цепочка.

Самсон, сидящий рядом, начал вилять хвостом – как всегда, когда слышал голос почтальона.

– Простите, что заставила вас так долго ждать, я была наверху, – извинилась Эмма хриплым голосом.

– Без проблем, без проблем.

Салим Юзгеч поставил посылку на верхнюю ступеньку под козырек, сбил снег с обуви и улыбнулся, доставая обязательное лакомство из кармана брюк. Как всегда, он убедился, что Эмма не возражает, и она, как всегда, знаком разрешила Самсону взять собачью галету.

– Как у вас дела, фрау доктор? – поинтересовался почтальон.

«Хорошо. Я всего лишь проглотила десять миллиграммов ципралекса³ и с полдевятого до пол-одиннадцатого дышала в пакет. Спасибо, что спросили».

– С каждым днем все лучше, – солгала она и почувствовала, как безнадежно напряглась, пытаясь улыбнуться в ответ.

Салим был сочувствующим парнем и время от времени приносил ей кастрюльку с овощным супом, который передавала его жена. «Чтобы вы совсем не отощали». Но его беспокойство за психолога основывалось на ложных представлениях.

Чтобы соседи не судачили, почему это вдруг фрау доктор перестала выходить на улицу, проводит весь день в халате и забросила свою практику, Филипп рассказал владелице киоска историю о тяжелом пищевом отравлении, которое чуть было не стоило Эмме жизни и повлияло на ее внутренние органы.

Фрау Козловски была самой большой сплетницей во всем поселке, и, когда «испорченный телефон» дошел до Салима, отравление превратилось уже в онкологическое заболевание. Но пусть лучше люди думают, что Эмма сбрила волосы из-за химиотерапии, чем обсуждают правду. О ней и Парикмахере.

Как чужие люди должны ей поверить, если даже ее собственный муж сомневается? Конечно, Филипп изо всех сил старался скрыть это. Но он инициировал дополнительное расследование и не обнаружил ничего, что подтверждало бы версию Эммы.

Число четыре имеет в китайском, японском и корейском языках сходство со словом «смерть», почему и считается в некоторых кругах несчастливым. В районах, где говорят на кантонском диалекте, четырнадцать вообще обозначает «верная смерть», поэтому происходящие из Гуанчжоу владельцы Le Zen отказались не только от соответствующих номеров комнат, но и от четвертого и четырнадцатого этажей.

И логичное, напрашивающееся предположение, что Эмма просто перепутала номер комнаты, тоже не помогло.

Судя по описанию интерьера, речь могла идти только о номерах 1903 или 1905. Но оба были забронированы на всю неделю матерью-одиночкой из Австралии с тремя детьми, которая проводила в Берлине отпуск. Ни в одном из этих номеров не были обнаружены следы насильственного проникновения внутрь или нападения. И ни в одном не висел портрет Ая Вэйвэя, что неудивительно. Изображения китайского концептуального художника вообще не было во

³ Антидепрессант.

всем отеле. Еще одна причина, почему «случай» Эммы имел не самый высокий приоритет у следователей.

А она все больше сомневалась в собственном рассудке.

Разве можно было упрекать Филиппа, что он настроен скептически? С такой-то невероятной историей? Изнасилование в гостиничном номере, которого официально не существует и который она сама тщательно обыскала непосредственно перед мнимым нападением?

К тому же Эмма утверждала, что ее изнасиловал безликий серийный преступник, который действительно был известен тем, что брил своих жертв. Но до сих пор это были проститутки, из которых ни одна не выжила. Потому что это была еще одна «фишка» Парикмахера: он убивал девушек из эскорта, которых подкарауливал в их же комнатах.

«Он оставил в живых только меня. Почему?»

Неудивительно, что ее случай не подшили к делу Парикмахера. И коллеги Филиппа считали ее психованной членовредительницей, которая выдумывает жуткие истории. Но, по крайней мере, ее не донимала пресса.

Только почтальон.

– Не ожидала вас так рано, – сказала Эмма.

– Сегодня мне не спалось, – засмеялся почтальон.

С тех пор как Эмма перестала выходить на улицу (даже с Самсоном гулял теперь Филипп), она многое заказывала с доставкой на дом. Сегодня Салим принес ей сравнительно немного пакетов. Она оплатила получение контактных линз, онлайн-аптека наконец-то прислала болеутоляющее, в легкой коробке побольше, наверное, домашние тапочки, которые можно нагревать в микроволновой печи. Затем еще ежедневный ящик с продуктами из онлайн-супермаркета, на которые она оформила долгосрочный договор.

За напитки и все прочие нескоропортящиеся товары, такие как консервы, порошок для стирки или туалетную бумагу, отвечал Филипп. Но овощи, молоко, масло и хлеб не должны лежать у него в машине, если, как это часто случалось, его неожиданно вызовут на задание и Филипп вернется домой с опозданием в несколько часов.

В последнее время у него не было таких длительных командировок, как в этот уик-энд. С тех пор, как тот псих ввел ей какое-то парализующее средство, стащил с нее пижаму и навалился на нее всем своим весом.

В последние месяцы Филипп настаивал на том, чтобы оставаться по ночам дома. Он хотел даже отменить поездку на общеевропейский конгресс в эти выходные, хотя этот воркшоп считается самым важным в году. Лишь раз в двенадцать месяцев ведущие психологи-криминалисты Европы собираются вместе, чтобы обменяться опытом. На два дня, каждый год в новом городе. На этот раз в Германии, в отеле рядом с Бад-Заров на озере Шармютцельзе. Обязательная встреча для этой сплоченной команды уникальных профессионалов, которые изо дня в день должны расследовать самое ужасное, на что способен человек, – и на этот раз Филиппу даже выпала честь сделать доклад о своей работе.

– Я настаиваю! Если что, я тут же позвоню тебе. Ты же будешь совсем рядом, в часе езды, – целуя, сказала ему Эмма сегодня утром на прощание, а самой хотелось кричать: «Целый час? Безумцу понадобилось не намного больше, чтобы сломать мне психику». – Я должна постепенно вытаскивать себя из этой дыры, – продолжала Эмма, надеясь, что Филипп поймет: она просто повторяет пустые фразы из учебника по психиатрии, в которые теперь, сама будучи пациенткой, уже давно не верит. Как и в последнюю ложь, которой снабдила Филиппа на дорожку: – Я справлюсь одна.

Да, целые пять секунд, пока махала ему рукой из окна кухни. Потом Эмма потеряла самообладание и принялась биться головой о стену. Хорошо, что Самсон тут же принялся подпрыгивать вокруг нее и помешал ей травмироваться.

– Я вам очень благодарна, – сказала Эмма, приняв все от почтальона и сложив горкой за собой в прихожей.

Салим предложил отнести коробки на кухню (это еще можно), потом ударил себя по лбу:

– Чуть не забыл. Не могли бы вы взять вот это для вашего соседа?

Салим поднял с земли посылку размером с обувную коробку – Эмма с самого начала подумала, что это не для нее, и в принципе оказалась права.

– Для моего соседа? – Ее колени задрожали, когда она начала понимать, какие последствия будет иметь эта чудовищная просьба, если она окажется настолько глупа, что согласится ее выполнить.

Как в прошлый раз, когда она была так любезна, что приняла посылку с книгами для дантиста, Эмма будет часами сидеть в темной гостиной, не в состоянии заняться чем-либо, кроме как думать, когда это произойдет. Когда же звонок разорвет тишину, оповещая о нежеланном визите.

Ее руки станут влажными, а во рту пересохнет, и она будет считать минуты, потом даже секунды, до тех пор, пока чужой предмет наконец не исчезнет из ее дома.

Но такая мысль оказалась не самым страшным – Эмма поняла это, когда прочитала имя получателя на посылке.

Господин А. Паландт

Тойфельзе-аллее, 16а

14055 Берлин

С чужим предметом в своем доме она как-нибудь справится. Он изменит ее распорядок дня, перевернет всю душу, но сама посылка – не проблема.

Чего не скажешь об имени.

С учатившимся пульсом и влажными ладонями она уставилась на адрес и была готова расплакаться.

Глава 8

Паландт?

Кто... черт побери... этот господин А. Паландт?

Раньше она бы даже не задумалась. Сейчас же незнание подстрекало ее самые темные фантазии, и это, в свою очередь, так пугало Эмму, что она была готова расплакаться.

Тойфельзе-аллее, 16а?

Разве это не левая сторона дороги, третий или четвертый дом, сразу за поворотом? И разве там живет не старуха Торнов, уже много лет совсем одна? А не какой-то... А. Паландт?..

Эмма знала всех в окрестностях, но такого имени никогда не слышала, и это вызвало в ней неясное ощущение приближающегося обморока.

Уж четыре года, как она живет в этом маленьком переулке-тупике. Четыре года, как они купили вообще-то слишком дорогую для них недвижимость, которую смогли позволить себе лишь потому, что Филипп получил наследство.

– Я должна принять это? – спросила Эмма, не прикасаясь к свертку.

Запакованный в обычную коричневую бумагу, края для прочности заклеены скотчем, перевязанный крест-накрест бечевкой. Ничего необычного.

За исключением имени...

Господин А. Паландт.

– Пожалуйста, – попросил Салим и протянул ей посылку. – Я просто брошу получателю извещение, чтобы он забрал коробку у вас.

«Нет, только не это!»

– Почему? – удивился Салим. Вероятно, она произнесла свои мысли вслух. – Так положено, вы сами знаете. Я должен это сделать. Иначе посылка не застрахована.

– Понятно, но сегодня я, к сожалению...

– Пожалуйста, фрау Штайн. Вы сделаете мне большое одолжение. Моя смена скоро закончится. И боюсь, надолго.

Надолго?

– Что вы имеете в виду?

Сама того не осознавая, Эмма сделала шаг назад. Самсон, который почувствовал ее напряжение, поднялся рядом с ней и наострил уши.

– Не волнуйтесь, меня не уволили, ничего такого. Это хорошие новости для меня, Найи и Энгина.

– Найя – это ваша жена? – спросила Эмма.

– Правильно, я как-то показывал вам ее фотографию. А что до Энгина – пока есть только снимок УЗИ.

Холодный ветер, ворвавшийся через дверь, начал трепать полы Эмминого халата. Ее била дрожь.

– Ваша жена... беременна?

Слово казалось таким тяжелым, что она с трудом произнесла его.

Беременна.

Комбинация из девяти букв, которые приобретали сегодня совсем другое значение, чем полгода назад.

Тогда, до той ночи, это слово означало мечту, будущее, было символом радости и просто смысла жизни. Сегодня оно описывало открытую рану, потерянное счастье и, произнесенное шепотом, звучало как «никогда» или «умер».

Салим, который ошибочно интерпретировал откровенную растерянность Эммы как молчаливую радость, улыбался во весь рот.

– Да. На шестом месяце, – засмеялся Салим. – У нее уже вот такой живот. – Последовало соответствующее движение рукой. – Административная должность тут как нельзя кстати. Зарплата выше, единственное, что огорчает, – мы с вами больше не будем видеться. Вы были всегда очень добры ко мне.

– Какая радость, – все, что сумела почти беззвучно выдавить из себя Эмма, и теперь ей было стыдно. Раньше она с воодушевлением воспринимала любое сообщение о прибавлении в кругу знакомых. Даже когда друзья начали спрашивать, почему она так затянула с этим и все ли в порядке. Ни разу она не позавидовала и не озлобилась из-за того, что у них с Филиппом никак не получалось.

В отличие от матери, которая постоянно приходила в ярость, когда другие восхищенно рассказывали о своем материнском счастье. Неожиданный выкидыш, когда Эмме было шесть лет, изменил ее. После этого ее мать уже не смогла забеременеть.

А сейчас?

Сейчас настало время, когда Эмма неожиданно поняла озлобленность своей матери.

Плодиться? Отвратительно!

Эмма стала другой. Женщиной с натертой почти до ран вагиной, женщиной, которой знакомы вкус латекса и ощущение вибрирующего лезвия на бритой голове. Женщиной, которая знает, что одно-единственное судьбоносное событие может изменить все чувства или вообще убить их.

«Были добры ко мне».

Она вспомнила последние слова Салима, и тут ей кое-что пришло в голову.

– Подождите, пожалуйста, минутку.

– Нет, пожалуйста, не надо. Это не обязательно, правда! – крикнул ей вслед Салим, который понял, что она задумала, когда велела Самсону ждать ее у порога.

И сторожить почтальона.

В гостиной Эмма заметила, что держит маленький сверток у груди, видимо, она все же взяла его у Салима из рук.

«Проклятье. Теперь это в доме».

Эмма положила сверток рядом с ноутбуком на стол, который стоял у окна лицом к внутреннему садику, и открыла верхний ящик. Поискала портмоне, в котором надеялась обнаружить немного мелочи на чаевые, чтобы дать на прощание верному Салиму.

Кошелек отыскался в дальнем углу ящика, так что Эмме пришлось сначала вытащить кое-какие бумаги, которые мешались.

Письмо от страховой, счета, непрочитанные открытки с пожеланиями скорейшего выздоровления, рекламные брошюры со стиральными машинами и...

Эмма застыла с рекламным флаером в руке.

Хотела отвести взгляд от глянцевой фотографии.

Зрррррррр.

В голове у нее зажужжало. Все громче. Она почувствовала вибрацию на коже головы и зуд. Она хотела почесаться, но не могла, как не могла разжать тиски и преодолеть силу, которая удерживала ее голову в этом положении и заставляла пялиться на листок.

Филипп снял все зеркала в доме, чтобы вид ее «прически» постоянно на напоминал Эмме о той ночи. Все ножницы и электробритвы были вынесены из ванной комнаты.

Но о рекламном газетном вкладыше он не подумал.

Ручной аппарат с лезвиями из нержавеющей стали. Всего 49,90 €. С функцией для стрижки волос. Сэкономьте на парикмахере!

Эмма слышала легкий шелчок, который всегда предвещал начало кошмарных видений, непосредственно перед падением в душевную пропасть.

Она закрыла глаза и упала на пол, провалившись в крысиное гнездо своих воспоминаний.

Глава 9

Большинство людей считают, что сон – младший брат смерти, а ведь это самый большой ее соперник. Не сон, а усталость стоит во главе вечной тьмы. Это стрела, которую выпускает в нас чернокожий мужчина в капюшоне, целенаправленно, вечер за вечером, и которую сон, ночь за ночью, изо всех сил пытается вытащить из нас. Но к сожалению, стрела отравлена, и, как бы потоки сна ни старались вымыть этот яд, остатки все равно остаются в нас. С возрастом мы все реже поднимаемся утром с кровати отдохнувшими и выспавшимися. Капилляры нашего бытия, как когда-то белая губка, пропитаны темными чернилами, и губка продолжает набухать. В прошлом цветные счастливые сновидения превращаются в уродливое кривое зеркало, пока в конце концов сон не проиграет битву с усталостью, и, обессиленные, мы однажды не соскользнем в пустоту.

Эмма обожала спать.

Не только из-за грез, которые превращали яд усталости в ужасающие видения. Ужасающие потому, что они были такими реальными и передавали то, что с ней случилось на самом деле.

В бессознательном состоянии это каждый раз начиналось со звука.

Зррррррр.

Не с насильственной пенетрации, тяжелого дыхания возле уха или покашливания, посылавшего ей в лицо волны мятного дыхания, когда Парикмахер сжимал ее сосок и кончал в презерватив. Видения, о которых она не знала, были ли это реальные воспоминания или мучительная попытка мозга заполнить потерянные часы между нападением в отеле и тем моментом, когда она пришла в себя на автобусной остановке.

Это всегда начиналось с жужжания бритвы, становившегося громче и резче, когда вибрирующие ножи касались волос.

Волосы.

Символ сексуальности и плодородия испокон веков. По этой причине во многих мировых культурах женщины покрывают голову, чтобы не пробуждать дьявола внутри мужчины. Дьявола, который иначе «...набросится на меня, изнасилует, а потом снимет скальп...».

Скальпер – неуклюжее, но гораздо более подходящее слово для преступника, чем Парикмахер, потому что он не стриг своих жертв, а буквально срезал жизнь с головы.

Как всегда, Эмма не могла отличить сон от реальности, когда почувствовала прохладный нож у себя на лбу, – либо из-за усталости, либо из-за наркоза, пульсирующего в ее крови. Она ощущала жужжащий электрический аппарат, касающийся ее лба, и было не больно, когда лезвие ножа двинулось от лба к затылку. Было не больно, но все равно казалось, что она умирает.

«Почему он это делает?»

Вопрос, на который, как считала Эмма, она нашла ответ.

Преступник изнасиловал ее, и ему было стыдно. Вполне осознавая свой поступок, он пытался не загладить его, а перенести ответственность за случившееся на жертву. Эмма не покрывала голову, ее распущенные густые волосы выманили зверя из его берлоги, и поэтому Эмму нужно было не столько наказать, сколько вернуть в благопристойное состояние, чтобы при взгляде на нее у мужчин больше не возникало нелепых мыслей.

«Поэтому он и побрил мне голову. Не для того, чтобы унижить меня. А чтобы изгнать из меня дьявола, который ввел его в соблазн».

Эмма слышала потрескивание, когда ножи упирались в какой-нибудь бугорок, чувствовала, как ее голову повернули в сторону, чтобы удобнее было добраться до висков, ощущала жжение, когда нож подцеплял кожу, чувствовала латексную перчатку, зажимавшую ей рот, вкус резины на губах, которые раскрылись в крике, и задумалась о том, что...

Он выбрал ее. Он знал ее!

Он наблюдал за ней прежде. Как она играет с прядью волос. Как локоны танцуют у нее на лопатках, когда она поворачивается.

«Он знает меня. Я его тоже знаю?»

В ту секунду, когда Эмма задалась этим вопросом, она почувствовала язык. Шершавый, длинный, весь в слюне. Язык облизывал ее лицо, облизывая нос, закрытые глаза и лоб, – это что-то новенькое.

Такого еще никогда не случалось.

Эмма ощутила влажное давление на щеке, открыла глаза и увидела над собой Самсона.

Она не сразу поняла, что лежит на полу в гостиной перед письменным столом.

Она была в сознании. Но стрела усталости вошла в нее глубже, чем когда-либо. Тело казалось свинцовым, и Эмма не удивилась, если бы собственная тяжесть увлекла ее в подвал; если бы она провалилась сквозь паркет прямо в прачечную комнату или в кабинет Филиппа, который он организовал себе внизу, чтобы не мотаться в выходные в бюро.

Но конечно же она не проломила крепкий паркет, а осталась лежать на первом этаже, в трех метрах от потрескивающего камина, языки пламени которого шевелились непривычно сильно.

Они колыхались, словно на ветру. В тот же момент Эмма ощутила холодное дуновение на лице, потом почувствовала всем телом.

И судорожно сжалась.

Сквозняк.

Танцующее в холодном воздухе пламя может означать только одно.

Входная дверь!

Она была не заперта.

Глава 10

«Сорри, мне нужно идти.
Всего вам хорошего!»

Небольшой самоклеящийся листок, на котором было мало свободного места, поэтому Салим написал свои прощальные слова мелкими печатными буквами.

Онемевшими пальцами Эмма сорвала желтую записку с деревянной рамы входной двери и зажмурилась. Снова пошел снег. На другом конце улицы, недалеко от перекрестка, дети играли в прятки между припаркованными автомобилями, но почтальона с его желтым грузовичком не было видно.

«Сколько времени я отсутствовала?»

Эмма посмотрела на наручные часы: 11:13.

«Значит, почти четверть часа я была без сознания».

И все это время входная дверь стояла открытой.

Не настезь, всего на несколько сантиметров, но тем не менее.

Эмма содрогнулась.

«А сейчас? Что мне делать?»

Самсон, как кот, терся о ее ногу, вероятно пытаясь на свой лад сказать, что становится чертовски холодно. Поэтому Эмма закрыла дверь.

При этом ей пришлось навалиться на нее, сопротивляясь неожиданно сильному порыву ветра. Ветер взвыл напоследок, в последнюю секунду попытался надуть в прихожую снега, затем дверь захлопнулась, и наступила тишина.

Эмма посмотрела налево. Ее раскрасневшиеся щеки отразились бы в настенном зеркале, не будь оно покрыто упаковочной бумагой.

Возможно, оно бы даже запотело от ее дыхания.

И на нем была бы надпись?

На мгновение Эмме захотелось сорвать бумагу и проверить, нет ли на зеркале тайных сообщений. Но она уже так часто это делала и еще ни разу не нашла никакой надписи на стекле.

Типа «Я вернулся» или «Твой конец близок». И ни разу Филипп не пожаловался, что ему приходится заново все восстанавливать.

– Мне очень жаль, – сказала себе Эмма, точно не зная, к чему именно относятся эти слова. Ее разговоры с самой собой, которые она постоянно вела в течение дня, все больше теряли смысл.

Ей было жаль, что она оставила Салима, не попрощавшись и не дав ему чаевых? Что она доставляет столько хлопот Филиппу? Не слушает его советов, избегает близости и уже несколько месяцев не позволяет прикасаться к себе? Или ей было жаль, что она так распустилась? Конечно, как психиатр, она знала, что паранойя – не слабость, а заболевание, и, чтобы справиться с ним, нужна терапия. Если на это есть силы. И что ее чрезмерные реакции как симптом этого недуга не исчезнут сами собой, если она просто «возьмет себя в руки». Обычные люди часто относятся к психически больным с подозрением. Они недоумевают, как всемирно известный актер или художник, у которого ведь «все есть», мог покончить с собой, несмотря на славу, деньги и множество «друзей», потому что они ничего не знают о демонах, которые поселяются, в основном, в чувствительных натурах, чтобы в моменты счастья нашептывать им об их недостатках. Душевно здоровые советуют человеку в депрессии не грустить, а параноику, как она, не глупить и не перепроверять входную дверь при каждом треске в потолочном перекрытии. Но это то же самое, как попросить человека со сломанной ногой пробежать марафон.

«И что теперь?»

Нерешительно она посмотрела под ноги на почту, которую принес Салим. Узкая белая коробка с контактными линзами может пока полежать в прихожей, как и медикаменты и коробка побольше с тапочками. Только продукты нужно отнести в холодильник, но в настоящий момент Эмма чувствовала себя слишком слабой, чтобы перетащить ящик на кухню.

«Я не могу одновременно нести и бояться».

Самсон у ее ног отряхнулся, и Эмме захотелось сделать то же самое: просто встряхнуться всем телом и избавиться от всего, что тяготит ее в настоящий момент.

– Ты бы ведь залаял? – спросила она его. Самсон наострил уши и наклонил голову набок. Конечно, он бы залаял.

Самсон рычал на каждого незнакомца, который приближался к дому, так сильно он был привязан к своей хозяйке. Ни за что в жизни он не впустил бы в дом преступника.

Или все-таки впустил бы?

С одной стороны, Эмму угнетало, что она уже не может быть на сто процентов уверена, что находится в доме одна. С другой, не могла позвонить Филиппу и заставить вернуться без причины.

Или все же причина была?

В голову ей пришла идея.

– Сидеть! – приказала она Самсону и открыла стенной шкаф рядом с входной дверью, где была спрятана маленькая белая коробочка сигнализации. Цифры на панели управления засветились, как только ее рука потянулась к ней.

1—3—1—0

Дата их знакомства. На вечеринке по случаю дня рождения Сильвии.

Устройство было так запрограммировано, что в случае взлома Эмме на сотовый поступал звонок. Если она была недоступна или называла неправильное кодовое слово (Розенхан), к дому немедленно выезжала полиция.

Эмма нажала на пиктограмму, изображающую пустой дом, и активировала все датчики движения. А второй кнопкой (1Э) отключила датчики движения на первом этаже.

– Вот, теперь можно. Но мы останемся внизу, слышишь? – Если кто-то незаконно проник в дом, Эмма услышит это, как только он начнет передвигаться на верхнем этаже или в подвале.

Маловероятно, что кто-то спрячется на первом этаже. Здесь нет портьер в гостиной, больших шкафов, сундуков или прочих возможностей укрыться. Диван придвинут к стене, которая, в свою очередь, не имеет никаких выступов или ниш.

Но осторожность превыше всего.

Эмма вытащила сотовый из кармана халата, нажала на кнопку «фавориты» и положила большой палец на номер Филиппа, чтобы в случае необходимости тут же связаться с ним. Затем она хотела пойти с Самсоном в гостиную, но обернулась еще раз, потому что вдруг засомневалась, повернула ли ключ в замке два раза.

Перепроверив дверь и вновь преодолев соблазн посмотреть в зеркало, она последовала за Самсоном, который, шумно ступая по полу, добрался до своего коврика у камина.

«Нужно подстричь ему когти», – подумала Эмма, но не потому, что переживала из-за паркета. Он и так был обшарпан, и его следовало отциклевать сразу же, как только Эмма будет готова к гостям в доме.

Возможно, в следующей жизни.

Ей было стыдно, что Самсон так мало двигается. Сегодня утром, прежде чем отправиться на конгресс, Филипп вывел его на пятнадцать минут – прошелся разок вокруг квартала. Она же просто выпускала его в сад, всегда одного. Он послушно делал там свои дела у сарая с садовыми инструментами, рядом с кустом рододендрона, а она ждала за закрытой дверью, пока он вернется.

Тот факт, что пес вел себя мирно, был верным признаком того, что они одни в доме, по крайней мере на этом этаже. Самсон волновался при виде одной только мухи и начинал активно вилять хвостом. Даже в присутствии Филиппа он никогда полностью не расслаблялся, так сильно был заиклен на Эмме, которая всегда была рядом, из-за чего ее муж автоматически получал роль гостя, за которым нужно хотя и ласково, но непрестанно наблюдать.

Эмма села за письменный стол, его ящик все еще был выдвинут. Ей удалось запихнуть обратно рекламный проспект, который спровоцировал волну воспоминаний, даже не взглянув на бритвенный аппарат. Потом она решила отойти от своего обычного распорядка дня и повнимательнее рассмотреть посылку, прежде чем приняться за работу.

Она взяла посылку обеими руками и повернула. Сверток весил не больше трех плиток шоколада, так что это была скорее бандероль, но Эмма не особо разбиралась в подобных вещах. Все, что имело твердую упаковку и было больше обувной коробки, она считала посылкой.

Эмма потрясла ее у уха, как бармен – шейкер для коктейля, но ничего не услышала. Ни тиканья, ни жужжания, ни гудения, ничего, что указывало бы на электрический предмет или (упаси бог) на живое существо. Она лишь чувствовала, что внутри перекачивается что-то легкое. Содержимое казалось не особо хрупким, хотя Эмма не могла сказать это с уверенностью.

Она даже понюхала посылку, но не заметила ничего необычного. Никакого едкого, резкого запаха химиката или даже яда. Ничего, что заставляло бы заподозрить опасное содержимое.

За исключением того, что само существование этой посылки Эмма воспринимала как угрозу, отправление казалось самым обыденным и заурядным – в Германии таких ежедневно доставляют наверняка по десять тысяч.

Упаковочная бумага продается в любом магазине канцтоваров или прямо на почте, если там еще остались официальные филиалы. Уже «в прежние времена» многие позакрывались.

Бечевка точно такая же, из какой она мастерила в детстве: серые грубые волокна.

Эмма изучала наклейку на лицевой стороне посылки, где почему-то был указан только адресат А. Паландт, но отправителя в соответствующем поле не стояло. Ни фирмы, ни частного адреса.

Значит, ее послали с муниципальной упаковочной станции, только там принимают анонимные отправления. Эмма выяснила это в прошлом году, когда хотела послать маме рождественский подарок, но так, чтобы она не сразу догадалась, от кого он. Правда, тогда Эмма указала выдуманного отправителя (Дед Мороз, переулок Санты, 24, Северный полюс).

Здесь же поле просто не заполнено, что обеспокоило ее еще больше, чем тот факт, что она не знает никакого соседа по фамилии Паландт.

Почти брезгливо она снова отложила посылку в сторону, подтолкнув ее к краю стола, подальше от себя.

– Ты правда не хочешь составить мне компанию? – спросила Эмма и снова повернулась к Самсону. В часы одиночества она привыкла разговаривать с ним, как будто это маленький ребенок, который обычно внимательно следил за всем, что она делала на протяжении дня. Но сегодня он казался ей непривычно сонным. Самсон свернулся клубком и устроился поудобнее у камина, а не у ее ног под столом, как всегда делал.

– Ну ладно, – вздохнула Эмма, не дождавшись никакой реакции. – Главное, ты не наябедничаешь на меня. Ты же знаешь, что я обещала Филиппу этого не делать.

Но именно сегодня она не могла совладать с собой. Плевать, что он рассвирепеет, если узнает.

Она просто должна это сделать.

С мерзким чувством, что обманывает мужа, она открыла ноутбук и принялась за «работу».

Глава 11

Была лишь одна совместная фотография с Филиппом, на которой Эмма не ненавидела себя, и этот снимок сделал двухлетний воришка.

По дороге на выставку одного знакомого фотографа лет пять назад они, спасаясь от ливня, забежали в ресторанчик на Хаккешер-Маркт и попали в так называемую «ловушку для туристов» – «картофельный ресторан» с раскладными столами, напоминающими те, на которых клеят обои, и длинными скамьями, которые пришлось делить с десятком других спасающихся от дождя.

Вынужденные заказать не только напитки, они выбрали картофельные оладьи с яблочным муссом, и этот ничем не примечательный вечер в апреле стерся бы из памяти, если бы через день Эмма не обнаружила странные фотографии на своем сотовом телефоне.

Первые четыре были совсем темные. На пятой виднелся край стола, как и на следующих шести, где сначала можно было разглядеть только большой палец, а потом и виновника этих смазанных снимков целиком: светловолосая девочка с растрепанными волосами, измазанным манной кашей ртом и дьявольской улыбкой, на которую способны лишь маленькие дети, незаметно стащившие у кого-то мобильник.

В общей сложности на семи снимках без вспышки были изображены элементы Филиппа и Эммы. На одном они даже улыбались, но на самой красивой фотографии время, казалось, остановилось. Эмма и Филипп сидели рядом и смотрели друг другу в глаза, а их вилки зацепили один и тот же кусочек оладьи. Снимок напоминал кадр из фильма, когда звук – голоса пытающихся перекричать друг друга посетителей ресторана, детский плач и громкий звон приборов – вдруг обрывается и какофония сменяется романтической фортепианной музыкой, которая сопровождает стоп-кадр.

Эмма даже не знала, что она и ее муж обмениваются такими любящими взглядами, и тот факт, что снимок был сделан незаметно и любое подозрение на инсценировку исключалось, делал фотографию еще ценнее. И для Филиппа, который тоже любил этот снимок, хотя и считал свою неуклюжую позу слишком напоминающей Джеймса Дина, что бы это ни значило.

Раньше, «в прежние времена», Эмма видела это изображение каждый день в семнадцать часов, когда Филипп звонил ей, чтобы сказать, успевает ли он к ужину, потому что установила фото на его номер телефона. Распечатанный снимок лежал как талисман во внутреннем кармане ее любимой сумочки, а какое-то время изображение даже было заставкой на экране ее ноутбука, пока после очередного обновления системы не исчезло с компьютера по необъяснимым причинам.

«Как и моя уверенность, моя жизнерадостность. Моя жизнь».

Иногда Эмма задавалась вопросом, не перезапустил ли Парикмахер и в ней систему той ночью и не сбросил ли все ее эмоциональные установки до уровня заводских настроек. И она определенно была браком: поврежденный товар, не подлежащий обмену.

Эмма кликнула на иконку Outlook в нижней панели на экране, чтобы стандартная заставка исчезла и она могла приступить к неприятным, но необходимым задачам.

Ее ежедневная «работа» состояла в том, чтобы прошерстить Интернет в поисках последних сообщений о Парикмахере.

То, что Филипп категорически запретил ей делать после того, как произошла утечка закрытой следственной информации и газеты заполучили созданный им профиль преступника. Они трепали его несколько дней. Филипп боялся, что грубые сообщения бульварной прессы еще больше напугают Эмму, поэтому она действовала осторожно.

Тайно, словно какая-то преступница.

Она путешествовала по Интернету в режиме приватного просмотра, который не записывал в историю информацию о посещенных сайтах. А архив, где она в хронологическом порядке сохраняла все сообщения и данные о том случае, назывался «диета» и был защищен паролем.

В настоящий момент Сеть наводнили спекуляции, потому что Парикмахер объявился на прошлой неделе. Снова в берлинском пятизвездочном отеле, на этот раз на Потсдамер-плац, и снова проститутка умерла от передозировки ГОМК⁴.

По крайней мере, остатки этого средства были обнаружены у нее в крови. Однако следователи не считали это неопровержимым доказательством. Эмма была психиатром. Заполучить этот медикамент, который в малых дозах действовал возбуждающе и часто применялся как «клубный наркотик», для нее было еще легче, чем сбрить себе самой волосы.

Статьи бульварной прессы больше распространялись о сексуальных предпочтениях Наташи В., чем о человеке, который в муках лишился жизни. А при знакомстве с комментариями читателей на интернет-форумах появлялось впечатление, что большинство считало женщин совиновными, потому что кто вообще отдается незнакомым мужикам за деньги?

И никому не приходило в голову, что жертвы тоже живые люди с чувствами. Русская, которая в ту ночь постучалась в дверь номера Эммы, сопереживала больше, чем все комментаторы, вместе взятые.

Жаль, что следователи не смогли разыскать ее. Правда, это неудивительно. Какая девушка из эскорта сообщит на ресепшн свое настоящее имя или скажет, в какой номер ей нужно? Подобные «девочки» были неизбежными, но и невидимыми гостями в фешенебельных отелях.

Хрясь.

В камине с треском перевернулось горящее полено, и если Самсон даже ухом не повел, то Эмма вздрогнула от ужаса.

Она посмотрела в окно, остановила взгляд на ели в саду, которую они каждый год украшали к Рождеству. Ее ветви прогнулись под снегом.

Природа была одной из немногих вещей, которые успокаивали Эмму. Она любила свой сад. Желание снова заботиться о нем было сильным стимулом для того, чтобы избавиться от проблемы в голове. Когда-нибудь она наверняка найдет в себе силы, решится на терапию и позволит другому специалисту проверить медикаментозное лечение, которое сама себе прописала.

Когда-нибудь, только не сегодня.

Эмма нашла в своем электронном ящике, в папке «спам», письмо, которое угрожало блокировкой всех ее кредитных карт, и несколько сообщений о новостях со словом «парикмахер», среди них одну статью в газете «Бильд» и другую в «Берлинер Цайтунг», с которой и начала. Выяснив, что ничего нового не появилось, Эмма скопировала статью в папку «Парикмахер_ТРИ_Расследование_НАТАША».

На самом деле это место Парикмахер предусмотрел для Эммы. Наташа была номером четыре.

«Просто я женщина, которая не берется в расчет».

Для каждой жертвы Эмма создала подпапки «Частная жизнь», «Работа» и «Собственные теории», но папки с информацией по официальным расследованиям были, разумеется, самые важные.

Здесь же хранилась и статья из «Шпигель» о первом профиле, который составил Филипп: преступник характеризовался как нарцисс-психопат. Состоятельный, ухоженный, с высшим образованием. Настолько влюбленный в себя, что не способен на продолжительные отношения. Считая себя идеальным, он винит женщин в собственном одиночестве. Женщин, которые

⁴ Гамма-оксимасляная кислота, наркотическое средство.

привлекают мужчин и хотят от них лишь одного – денег. Это они несут ответственность за то, что такой видный парень, как он, не может контролировать свои инстинкты. Обривание, и тем самым «обезображивание» женщины, он рассматривает как услугу, которую оказывает мужскому миру.

Возможно, были и другие женщины, которых, как Эмму, после изнасилования лишили «только» волос. Вероятно, он убивал в силу необходимости, если считал своих жертв по-прежнему привлекательными и без шевелюры.

Это размышление привело Филиппа к мысли, что Парикмахер мог использовать во время преступлений прибор ночного видения, чтобы суметь оценить результат. Предположение, которое Эмма сохранила в папке «Теории», как и то, что преступник, возможно, не выносит вида крови. И все же во время бритья он порезал ее. В больнице ей обработали рану надо лбом и удалили запекшуюся кровь. Возможно, это спасло ей жизнь, потому что рана и кровь, видимо, настолько обезобразили Эмму, что Парикмахер посчитал свою миссию завершённой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.